
pocket**book**

rocket**book**

ФРЭНСИС СКОТТ
ФИЦДЖЕРАЛЬД

Последний магнат

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф66

Перевод с английского *О. Сороки*

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Фиджеральд, Фрэнсис Скотт.
Ф66 Последний магнат : [роман] / Фрэнсис Скотт
Фиджеральд ; [пер. с англ. О. Сороки]. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 224 с. — (Pocketbook).

ISBN 978-5-699-48831-5

«Последний магнат» — неоконченный роман великого Фиджеральда, который жил, отчаянно прожигая дни, и так же творил, ни капли не жалея себя. По легенде, он умер от сердечного приступа прямо за рабочим столом...

Киномагнат Монро Стар, владеющий огромной студией в Голливуде, настоящий баловень судьбы, воплотивший в жизнь американскую мечту. Но стоит ли она утерянного человеческого счастья?..

Нравы золотого века знаменитой кинофабрики и вечная человеческая трагедия одиночества... Прототипом Стара стал реальный продюсер «Metro Goldwyn Mayer» Ирвинг Талберг, в честь которого каждый год вручается премия Оскар «За выдающийся вклад в развитие кинопроизводства». Книга, конечно же, была экранизирована в Голливуде, главную роль исполнил сам Роберт Де Ниро.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© О. Сорока,
перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-48831-5

Глава I

Я выросла в мире кино, хотя ни разу не снималась. На день рождения ко мне, пятилетней, пришел Рудольф Валентино¹, — так гласят предания. Я упоминаю об этом, только чтобы показать, что с младенческого возраста могла видеть, как вертятся шестеренки Голливуда.

Одно время меня подмывало написать «Записки дочери продюсера», но в восемнадцать лет не очень это у вас выйдет — засесть за мемуары. И хорошо, что не села: получилось бы нуднее, чем позапрошлогонья колонка Лолли Парсонс². Мой отец на производстве фильмов делал бизнес, как делают бизнес на хлопке и стали, и меня это мало тревожило. Прозу Голливуда я принимала с безропотностью привидения, назначенного обитать в таком-то доме. Я знала, что кинобизнесом надлежит возмущаться, но возмущение упорно не желало приходить.

Легко сказать так, но труднее добиться, чтобы тебя поняли. В Беннингтоне, где я училась, иные из преподавателей литературы при-

творялись, будто равнодушны к Голливуду и его продукции. А на самом деле — ненавидели, всеми печенками ненавидели кино, как угрозу своему существованию. А еще раньше, в монастырской школе, милая монашенка попросила у меня какой-нибудь киносценарий, чтобы по нему «разобрать с ученицами, как сочиняют фильмы»; как сочиняют эссе и рассказы, она уже разбирала. Я достала ей режиссерский сценарий, и она, должно быть, ломала, ломала себе над ним голову, в классе же ни разу не упомянула о сценарии и вернула мне его обратно с оскорбленно-удивленным видом и без всяких комментариев. Как бы и эту мою повесть не вернул мне так читатель.

Можно принимать Голливуд, как я, — спокойно и привычно, — а можно отмахиваться от него с презрением, какое мы прибегаем для того, чего не понимаем. Понимание-то здесь достижимо, но лишь смутное, проблесками. Не наберется и полудюжины людей, кто смог когда-либо вместить в уме всю формулу и тайну фильмотворчества. И разобратся в одном из таких людей — вот для женщины средство поглубже вникнуть в этот сложный мир.

Ту картину мира, которая открывается с самолета, я знала. Отец всегда отправлял нас с сестрой из Лос-Анджелеса по воздуху — в школу, затем в колледж, — и домой на каникулы мы тоже летали. Когда я перешла на

второй курс, Элинон умерла, и пришлось уже одной летать, и всегда она в полете вспоминалась, и я как-то серьезнела, грустнела. Иногда в самолете мне встречались знакомые голливудцы, а порой симпатичный студентик, но нечасто — наступили уже годы кризиса. Во время полета мне редко давали уснуть мысли о сестре и это ощущение резкого рывка от побережья к побережью; настоящий сон приходил разве лишь, когда позади оставались уже теннессиjsкие аэропорты — небольшие, стоящие на хмуром отшибе.

На этот раз мы летели в непогоду, самолет так болтало, что одни пассажиры сразу же откинули назад спинку кресла и отошли ко сну, а другие предпочли не спать вовсе. Двое из неспавших были мне соседями — я слева от прохода, они справа, — и по их отрывочному разговору я уверенно заключила, что они голливудцы. Один и выглядел типично — немолодой еврей, он то говорил с нервной горячностью, то умолкал издерганно, весь сжавшись, словно собравшись для прыжка; второй же был бледный, некрасивый, коренастый человек лет тридцати, которого я определенно видела где-то раньше. В гости он приходил к нам, что ли. Но, возможно, я еще маленькой тогда была, — и я не торопилась обижаться, что он не узнал меня.

Стюардесса — высокая, статная, яркая брюнетка, к каким у авиакомпаний слабость, — спросила меня:

— Может, наклонить вам спинку кресла?.. Аспирин не хотите, милая? — Она шатко пристроилась на подлокотник кресла рядом, покачиваясь в такт порывам июньского циклона. — Или нембутала таблетку?

— Нет.

— Не спросила вас раньше, провозилась с остальными пассажирами. — Она села в кресло, пристегнула нас обеих предохранительным ремнем. — А пожевать резинку не хотите?

Это напомнило мне, что пора уже расстаться с резинкой, давным-давно навязшей у меня в зубах. Я завернула ее в страничку журнала, сунула в пепельницу с пружинной крышкой.

— Сразу отличишь воспитанных людей, — одобрила стюардесса. — Всегда прежде завернут в бумажку.

Мы посидели рядом в полутьме покачивающегося салона. Смутно это напоминало фешенебельный ресторан в сумерки, в затишье. Все притихли — и задумчивость была не только в позах. Даже стюардесса как бы призабыла, почему и зачем она здесь.

Она заговорила о молодой знакомой мне актрисе, с которой летела в Калифорнию два года назад. Тогда был самый разгар кризиса, и актриса все смотрела в окно так упорно и

сосредоточенно, будто собиралась выброситься. Оказалось, впрочем, что ее не нищета, а только революция страшила. «Я знаю, что мы с мамой сделаем, — сообщила она стюардессе по секрету. — Мы укроемся в Йеллоустонском заповеднике и будем жить там простенько, пока все не утихнет. А тогда вернемся. Не убивают же они артистов?»

Этот замысел меня позабавил. Вообразилась прелестная картинка: бурые медведи — добряки и консерваторы — снабжают медом актрису с мамой, а ласковые оленята приносят им от ланей молоко и, напоив, пасутся около, чтобы с приходом ночи живыми подушками лечь в изголовье. В свою очередь, я рассказала стюардессе про юриста и про режиссера, которые однажды вечером в ту грозную пору поделились с отцом своими планами. Если армия безработных ветеранов захватит Вашингтон, то у юриста наготове лодка, спрятанная на реке Сакраменто, и он на веслах поплывет в верховья, пробудет там месяц-другой, а потом вернется, «поскольку после революций всегда требуются юристы, чтобы урегулировать правовой аспект».

Режиссер настроен был более пессимистически. Он заранее припас старый костюм, рубашку, башмаки — свои ли собственные или взятые в костюмерной, он умалчивал — и собирался Раствориться в Толпе. Помню, отец возразил: «Но они взглянут на ваши руки!

Они тут же поймут, что вы сто лет не занимались физическим трудом. И спросят у вас профсоюзный билет». И помню, как вытянулось у режиссера лицо, как хмуро поедал он свой десерт и как смешно и мелко звучали все их речи.

— Отец ваш не актер, мисс Брейди? — спросила стюардесса. — Фамилия что-то знакомая.

Услышав слово «Брейди», оба моих соседа встрепнулись, взглянули искоса. Я знаю этот голливудский взгляд, бросаемый через плечо. Затем бледный, коренастый отстегнулся и встал в проходе.

— Вы — Сесилия Брейди? — спросил он обвиняюще, как будто я утаивала это от него. — Так я и подумал сразу. Я — Уайли Уайт.

Имя свое он мог бы и не называть — в эту самую минуту чей-то еще голос произнес: «В сторону, Уайли!», и кто-то быстро прошел мимо, направляясь в нос самолета. Уайт вздрогнул и — с некоторым опозданием — задорно огрызнулся:

— Приказывает здесь главный пилот.

Это походило на обычный обмен шуточками между голливудским тузом и его валетом.

— Пожалуйста, потише, пассажиры спят, — сделала стюардесса замечание Уайту.

Немолодой спутник Уайта тоже вскочил с кресла и глядел с какой-то откровенной алчностью вслед проходящему — вслед его спине.

А тот, не оборачиваясь, махнул на прощанье рукой и скрылся куда-то.

Я спросила стюардессу:

— Это прошел младший пилот?

— Нет, — сказала стюардесса, отстегивая ремень — собираясь бросить меня на произвол Уайли Уайта. — Это мистер Смит. У него отдельная кабина, «свадебная», но только он там один. Младший пилот ходит в летной форме. — Она встала. — Пойду узнаю — наверно, в Нашвилле застрянем.

— Застрянем? — ужаснулся Уайт.

— В долине Миссисипи буря.

— И, значит, проторчим там всю ночь?

— Если не стихнет.

Стихать не собиралось — самолет внезапно нырнул, Уайта кинуло в кресло напротив, стюардессу метнуло в сторону кабины экипажа, еврея плюхнуло обратно на сиденье. Нарочито сдержанными восклицаньями, какие подобают опытным воздухоплавателям, мы выразили свое неудовольствие, перевели дух.

— Мисс Брейди — мистер Шварц, — представил Уайт своего спутника. — Кстати, он с вашим отцом — друзья-приятели.

Мистер Шварц закивал с большим жаром, как бы клятвенно и громко заверяя: «Правда. Видит бог, правда».

Пусть когда-то он и мог заявлять так во всеуслышание, но времена переменялись, что-то явно с ним стряслось. Вот так, бывает,

встретишь знакомого, угодившего в драку или под колеса тяжелого грузовика — и смятого чуть не в лепешку. Таращишь на него глаза, ахаешь: «Что с вами случилось?» А он в ответ бормочет что-то невнятное сквозь обломки зубов и распухшие губы. Он даже рассказать не в состоянии.

Телесных травм мистер Шварц не получил; взбухший персидский нос и затененные подглазья были у него такими же врожденными чертами, как у моего отца ирландски вздернутый кончик носа и краснота вокруг ноздрей.

— Нашвилл! — возмутился Уайли Уайт. — Придется, значит, киснуть в гостинице. А Побережье улыбнулось до завтрашнего вечера — это в лучшем случае. О господи! Я ведь родился в Нашвилле.

— Что ж, вам будет приятно встреча с родными местами.

— Приятна? Я уже пятнадцать лет сюда не езжу. Хоть бы век их не видеть.

Но Уайту суждено было увидеть их: самолет явно шел вниз, вниз, вниз, как Алиса в кроличью нору. Пригнувшись к окну, заслонясь ладонью от света, я увидела вдалеке слева город, мреющий белесым пятном. А зеленая надпись «Пристегнуть ремни. Не курить» зажглась уже давно — со времени влета в циклон.

— Слышал фамилию? — взорвалось очередное нервное молчание Шварца.

— Какую фамилию? — спросил Уайт.

— Которой он назвался. «Мистер Смит».

— А что? — спросил Уайт.

— Ничего, — дернулся Шварц. — Просто мне показалось забавно. Смит. Ха-ха. (Безрадостней смеха я в жизни не слышала.) Смит.

Своим расположением на отшибе, своей хмурой тишиной аэропорты сродни, по-моему, одним лишь почтовым станциям эпохи дилижансов. Краснокирпичные наши вокзалы строились потом прямо в городах и городках, и сходили с поездов там только жители тех захолуствий. Аэропорты же — словно древние оазисы, стоянки на великих караванных путях. Вид авиапассажиров, которые по одному и по двое проходят не спеша в полночные аэропорты, всегда привлекает кучку зевак. Вплоть до двух часов ночи местная молодежь готова глазеть на самолеты, а кто постарше — на пассажиров. Зорко и недоверчиво оглядывать нас — богачей с Побережья, небрежно сходящих посреди Америки со своего трансконтинентального ковра-самолета. Ведь среди нас могла таиться роскошная романтика в облике кинозвезды. Но большей частью ничего такого не таилось. Как я всегда жалела, что мы не выглядим заманчивей, чем есть; вот так и на премьерах часто жалела — когда киномамы смотрят на тебя с презрительным укором за то, что ты не звезда.

Сходя с самолета, я оперлась на руку, протянутую Уайтом, — и вот мы уже с ним друзья. С этой минуты он принялся ухаживать за мной, и я не возражала. Так или иначе, придется вместе коротать часы нашвилльского ожидания — это мне стало ясно сразу. (Я была уже не та простушка, у которой увели парня тогда — в фермерском новоанглийском домике близ Беннингтона. Девушку звали Рейной, он сел с ней к роялю, и я наконец поняла, что я третья лишняя. В исполнении Гая Ломбардо по радио передавали «В цилиндре» и «Щекой к щеке», и Рейна помогала одолеть мелодию. Звучали клавиши мягко, как падают листья, и ее пальцы поверх его пальцев — она учила его братъ «черный» аккорд. Я тогда была на первом курсе.)

Мы вошли в здание аэропорта, и мистер Шварц шел с нами, но как во сне. Мы пытались уточнить у дежурного обстановку, а Шварц все это время стоял, упершись взглядом во входную дверь, словно боялся, что самолет улетит без него. Потом я отлучилась на несколько минут, и что-то без меня произошло; когда я вернулась, вид у Шварца был еще раздавленной, чем раньше. На дверь он уже не глядел. Стоя вплотную к нему, Уайт говорил:

— ...ведь предупреждал я — перестань. Поделом же тебе.

— Я только сказал...

Я подошла, Шварц замолчал; я спросила, какие новости. Было половина третьего ночи.

— Новости те, — сказал Уайли Уайт, — что нас промаринуют здесь три часа по меньшей мере, так что слабачье отправляется в гостиницу. А я хочу свозить вас поглядеть «Эрмитаж» — дом Эндрю Джексона.

— Что же мы увидим в темноте? — сурово спросил Шварц.

— Да час-другой, и рассветет уже.

— Вы поезжайте вдвоем, — сказал Шварц.

— Ладно. А ты двигай в гостиницу. Автобус еще не ушел — и в автобусе сидит Он, — поддразнил Уайли. — Может, и столкнетесь.

— Нет, я с вами поеду, — поспешно сказал Шварц.

Мы вышли, разом окунувшись в загородную мглу, сели в такси, и Шварц словно бы повеселел. Похлопал меня поощрительно по коленке.

— Вас оставлять с ним не годится. Я буду вашим провожатым. Было время, был я человеком денежным, и была у меня дочь-красавица.

Он сказал это так, точно дочь забрали кредиторы вместе с другим ценным имуществом.

— Этой нет — другая будет, — утешил Уайли. — Все еще вернется. Новый поворот колеса фортуны, и ты снова там, где папаша Сесилии. Верно, Сесилия?

— А далеко этот «Эрмитаж»? — помолчав,